
ОДРИ НИФФЕНЕГГЕР
СОРАЗМЕРНЫЙ ОБРАЗ МОЙ
Главный мотив этой готической истории — стойкость любви.
The New Yorker
18+
ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ЖЕНА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ»

The Big Book

Одри Ниффенеггер

Соразмерный образ мой

«Азбука»
2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ниффенеггер О.

Соразмерный образ мой / О. Ниффенеггер — «Азбука», 2009 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-35296-4

Одри Ниффенеггер прославилась в одночасье. «Жена путешественника во времени» – ее дебютный роман, опубликованный маленьким независимым издательством в Калифорнии, – буквально покорила мир: перевод на множество языков, тираж 9 миллионов экземпляров, покупка киноправ Брэдом Питтом и Дженнифер Энистон (звезда сериала «Друзья») еще по рукописи… Постановщиком фильма предполагался Гас ван Сент, но в итоге им выступил Роберт Швентке, главные роли исполнили Эрик Бана и Рейчел Макадамс; а недавно вышел и телесериал по сценарию Стивена Моффата («Доктор Кто», «Шерлок»), постановщик Дэвид Наттер («Клан Сопрано», «Игра престолов»). На осень 2026 года заявлен выход долгожданного продолжения «Жены путешественника во времени» – романа «Жизнь вразнобой». Но между ними был «Соразмерный образ мой», и права на второй роман чикагской писательницы были проданы на ожесточенном аукционе за 5 миллионов долларов. Это история о призраках и семейных тайнах, о кишащем тенями прошлого мегаполисе, о любви, над которой не властна даже смерть (в самом прямом смысле). Итак, умирающая Элспет Ноблин завещает лондонскую квартиру своим племянницам – дочкам ее сестры-близнеца Эдвины, которая со скандалом уехала в США двадцать лет назад, и с тех пор сестры не общались. И вот Джулия и Валентина, тоже близняшки, переезжают из Мичигана в Лондон, и новый дом их стоит у легендарного Хайгейтского кладбища. Но кто оставляет им послания на пыльной крышке рояля, чье холодное дыхание ощущается в пустой квартире, кто заманил в дом Котенка Смерти? Издание сопровождается специальным предисловием – рассказом Одри Ниффенеггер о том, как в период работы над романом она жила в Лондоне и водила экскурсии по Хайгейтскому кладбищу.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35296-4

© Ниффенеггер О., 2009
© Азбука, 2009

Содержание

Одри Ниффенеггер. О Хайгейтском кладбище[1] 11
Часть первая 15
Конец 15
Последнее письмо 17
Как цвет полевой 20
She’s Leaving Home[3] 24
Февраль 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Одри Ниффенег
Соразмерный образ мой

Audrey Niffenegger
HER FEARFUL SYMMETRY

Copyright © 2009 by Audrey Niff enegger
All rights reserved

© Е. С. Петрова, перевод, примечания, 2010
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

О РОМАНЕ «ЖЕНА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ»

Роман Одри Ниффенеггер – обязательное чтение в XXI веке. Это история всепоглощающей любви, над которой не властны ни время, ни пространство.
Glamour

Одно из величайших достижений Ниффенеггер – то, как она передает духовный рост Клэр и Генри.
Чарльз де Линт

Незабываемо, неповторимо и так хитроумно, что захватывает дух… словом, редчайшая книга из тех, о которых жалеешь, что не написал ее сам.
Джоди Пиколт

Тем, кто говорит, что новых историй о любви больше нет, от всей души рекомендую «Жену путешественника во времени» – роман ослепительно изобретательный и головокружительно романтичный.
Скотт Туроу (автор «Презумпции невиновности»)

«Жена путешественника во времени» тревожно близка к совершенству.
Scotland on Sunday

Красочно выписанный, безумно увлекательный портрет пары, пытающейся вести обыкновенную жизнь в необыкновенных обстоятельствах.
Image

Одри Ниффенеггер мастерски выстраивает темпоральный павильон кривых зеркал – ничего подобного в нашей литературе еще не было.
The New Yorker

Лишь каменное сердце останется равнодушным к невзгодам Генри и Клэр и к триумфу любви над временем.
Chicago Tribune

Это дебютный роман, лишенный каких бы то ни было типичных недостатков первого литературного опыта. Можно подумать, Ниффенеггер не

писатель, а ткач-гипнотизер, так искусно ее совершенно живые персонажи вплетены в развернутую перед нами красочную ткань.
The National Post

Старая как мир история любви, изложенная самым революционным образом.
The Times

Пожалуй, единственное, с чем можно сравнить «Жену путешественника во времени», это «Любовь во время чумы»: подобно Маркесу, Ниффенеггер говорит нам, что над любовью настолько возвышенной не властны любые трагедии.
The Washington Post Book World

Почти всю жизнь Клэр любит Генри. Когда они познакомились, ей было 6, ему – 36. Но когда Клэр стала старше, Генри помолодел… В этой истории полнейшая путаница со временем – для Генри время то убегает вперед, то возвращается назад, то вьется волчком на одном месте. Однако история не про время, а про любовь.
Cosmopolitan

Свой фантастический сценарий Ниффенеггер прорабатывает с невероятным мастерством; это одна из тех книг, которые хочется в буквальном смысле проглотить.
The Guardian

Эта элегия любви и утрате вызывает неподдельный трепет.
Independent on Sunday

Волнующий, незабываемый и безмерно трогательный портрет уникальных отношений… подлинное волшебство.
Mail on Sunday

Мастерский дебют… яркие персонажи, искренние эмоции, поразительные скачки через время.
Library Journal

Умопомрачительная в буквальном смысле история любви, десятки и сотни виртуозно выписанных и выстроенных сцен, а в центре лабиринта – головоломная загадка. Драматичный финал оставляет читателя с ощущением, что жизнь прекрасна и удивительна.
Publishers Weekly

Необыкновенный роман с уникальной завязкой. И не обманывайтесь легким шармом отношений Генри и Клэр: они затянут вас в свой ближний круг, сделают соучастником своих мечтаний и разочарований. Они разобьют вам сердце.
Curledup.com

Избегая дешевых приемов, Ниффенеггер развивает свою новаторскую концепцию неожиданными и остроумными способами.
Time Out New York

Уникальная история темпорально нестойкого мужчины и женщины, которая его любит, разворачивается в абсолютно достоверном Чикаго с его блестящей культурной сценой.
San Francisco Chronicle

Историю любви Генри и Клэр, сложно развернутую в пространстве и времени, Одри Ниффенеггер описывает с неколебимой, беспристрастной ясностью военного корреспондента, наблюдающего затяжную баталию.
USA Today

О РОМАНЕ «СОРАЗМЕРНЫЙ ОБРАЗ МОЙ»

Серьезный и вдохновенный второй роман о призрачной любви и слишком хорошо понятных страхах.
«O», the Oprah magazine

Увлекательная современная история о призраках, действие которой происходит вокруг да около атмосферного Хайгейтского кладбища в Лондоне. Ниффенеггер рассказывает о соперничестве близнецов и потусторонней любви, о сложностях самоидентификации, о том, каково это – быть мертвым.
People

Интригующий взгляд на родство, которое ближе некуда, и на опасность исполнения своих желаний.
Good Housekeeping

Да возрадуются миллионы ценителей «Жены путешественника во времени»! «Соразмерный образ мой» чарующ и атмосферен под стать самой экскурсии по Хайгейтскому кладбищу.
The New York Times Book Review

Читателя увлекают за собой достоверные персонажи и живой, инстинктивный писательский дар.
Митико Какутани (New York Times)

Непросто сделать следующий шаг после того, как твой первый роман стал феноменальным общемировым бестселлером, но Ниффенеггер планку не снижает. «Соразмерный образ мой» – поистине уникальная история о призраках, причем без малейшего привкуса нафталина. Нам открывается завораживающий викторианский ландшафт красоты и смерти…
Chicago Sun-Times

Миллионы ценителей «Жены путешественника во времени» будут рады обнаружить в «Соразмерном образе моем» сходную тему любви, преодолевающей любые природные барьеры.
Washington Post

Ниффенеггер – поразительно чуткий и талантливый автор, а «Соразмерный образ мой» – изысканный труд любви.
Лев Гроссман (Time)

Тема близнецов раскрыта глубоко, изобретательно и самым непредсказуемым образом.
Los Angeles Times

Главный мотив этой готической истории – стойкость любви. Романтика органично сливается у Ниффенеггер с подлинной жутью, сюжетные зигзаги изумляют неожиданностью, а загадки поистине загадочны.
The New Yorker

Зловещая услада.
Scotsman

Новое доказательство, после «Жены путешественника во времени», что в описании отношений Одри Ниффенеггер нет равных: переживание скорби, преображающая сила любви…
Daily Telegraph

Оригинальная, из ряда вон выходящая, щедро радующая ум и чувства история о призраках.
Independent

Здесь водятся призраки, но поистине блестят человеческие истории.
Elle

Как показала «Жена путешественника во времени», жанровыми условностями романтической драмы Одри Ниффенеггер ловко маскирует глубоко трансгрессивную тематику. Союз Анджелы Картер и Норы Эфрон – это может прозвучать дико, однако в «Соразмерном образе моем», истории о призраках, связанной с Хайгейтским кладбищем, Ниффенеггер отдает дань обеим; а также Диккенсу, с которым она разделяет упоение всем зловещим и гротесковым; и, конечно, Генри Джеймсу, мастеру тропа «американцы в Европе».

Поразительно, что американские издатели заплатили Ниффенеггер аванс в пять миллионов за книгу, столь агрессивно, безбожно противопоставленную системе ценностей средних американцев, благодаря которым «Жена путешественника во времени» и стала таким бестселлером, – поразительно и довольно абсурдно. Может, конечно, в «Скрибнере» надеются, что все эти разговоры о смерти приманят фанатов «Сумерек».

Вселенная «Соразмерного образа моего» выглядит убедительно и знакомо, особенно если вы живете в Лондоне, но никогда не однозначно реалистична. Ее анемичные обитатели с ручками-прутиками напоминают мультипликационных персонажей Тима Бёртона, а то и героев графических романов самой Ниффенеггер – «Три сестры и кровосмешение», «Искательница приключений».

Это яркий, увлекательный роман – но пугает ли он по-настоящему? Пожалуй, да. И дело не только в готических наворотах, а в том, что он предлагает нам задуматься: что мы почувствуем, если наши близкие действительно вернутся после того, как мы уже пережили травму, вызванную их утратой, и как-то живем дальше? Захотим ли мы этого возвращения?
The Times

История о призрачных чарах и очаровательная история о призраках.
Tatler

Ожидание того стоило. С ловкостью канатоходца Ниффенеггер снова балансирует на грани между романтикой и фэнтези. Блестящая, восхитительная книга.
Glamour

Пугающе прекрасно.
Marie Claire

Антураж «Соразмерного образа» колоритен и готичен, автор явно много и тщательно работала над созданием завораживающей кладбищенско-викторианской атмосферы; в числе прочего, в процессе подготовки романа она – американка – поселилась в Лондоне и нанялась гидом на Хайгейтское кладбище. Проблема же, которую исследует Ниффенеггер в новом романе, все та же: любовь в условиях непреодолимых препятствий. Только если в «Жене путешественника» таковыми препятствиями служили неконтролируемые перемещения во времени, то в «Соразмерном образе» ими стала смерть.
Афиша

Название позаимствовано у Блейка. Место действия – Хайгейтское кладбище в Лондоне и прилегающий к нему дом. Среди персонажей книги – две пары сестер-близнецов, мужчина, который боится выходить из дома, его сбежавшая жена и призрак в придачу. Все они связаны сложной системой большей частью любовных отношений… У Ниффенеггер есть характеры, есть язык и есть представление о том, как выразить то, что она хочет: иногда любовь побеждает смерть и прочие странности. Иногда – нет.
Коммерсантъ – Weekend

Все, кто переживал за героев «Жены путешественника во времени», могут порадоваться – Одри Ниффенеггер официально перешла из разряда авторов одного бестселлера в разряд просто хороших писателей. Ниффенеггер замечательно играет с популярными конструкциями и в популярные конструкции, и если «Жену путешественника во времени» можно назвать гениальной мелодраматической адаптацией истории о Билли Пилигриме, то в «Соразмерном образе моем» писательница скрестила американскую душеполезную беллетристику с классической историей о привидениях. О тех привидениях, которые не добрые и не злые, а просто привидения. И потому опасны.
Книжное обозрение

Одри Нифференеггер. О Хайгейтском кладбище[1]

В январе 2002 года, когда я заканчивала свой первый роман, у меня мелькнула идея второго. В этой идее-зародыше фигурировали мужчина, страдающий агорафобией, которая не позволяет ему выйти из своей квартиры, и девушка, которая приходит к нему в гости. Квартира эта стояла у меня перед глазами: темная, заваленная какими-то коробками. По этому жилищу мысленно бродила и я, пытаясь сообразить, где мы находимся. Двуспальная кровать, письменный стол. За окном – какое-то кладбище. Кладбище? Вероятно, Грейсленд – одно из самых красивых в Чикаго, расположенное в центре Аптауна – примечательного, но бедного района. Я живу в Чикаго, и Грейсленд расположен удобно – в шаговой доступности от моего дома. Но потом я задалась вопросом: если уж описывать кладбище, то какое окажется самым интересным? Скорее всего, Хайгейт, где покоятся Кристина Россетти, Карл Маркс, Джордж Элиот. И мы – мои персонажи и я – внезапно перенеслись в Лондон.

В Лондоне я бывала не раз. Не скажу, что хорошо знала этот город как реальное место, но читала о нем с детства. Литературный Лондон был моим воображаемым домом. Подлинный Лондон меня чертовски страшил. Но Хайгейтское кладбище было идеальным местом для описания: тайный сад смерти, обнесенный высокими стенами, викторианские «джунгли в лесной чаще», как некогда выразился молодой посетитель кладбища. Я понятия не имела, для чего моему назревающему роману потребовалось кладбище, но меня захватила сама идея описать это место.

Я как раз закончила роман, над которым работала, «Жена путешественника во времени», потом больше полугода умоляла литагентов с ним ознакомиться – и наконец нашла своего агента, а затем и издателя: небольшую компанию в Сан-Франциско. Тем временем новый роман мало-помалу созревал, притягивая к себе персонажей и делая туманные жесты в направлении сюжета. Летом 2003 года я наконец-то позвонила в контору Хайгейтского кладбища, намереваясь выяснить, имею ли я право сделать его местом действия новой книги.

До недавнего времени Общество друзей Хайгейтского кладбища возглавляла Джин Пейтман, которая состояла в этой организации с момента ее основания в 1975 году. Она обладает великолепным чувством юмора, досконально знает историю и ландшафт Хайгейта, всячески поддерживает владельцев могил и репутацию некрополя. В момент нашей первой встречи ей было восемьдесят два года.

– Здравствуйте, – поприветствовала я мужчину, ответившего на мой телефонный звонок. – Я пишу роман и хотела бы вставить туда Хайгейтское кладбище.

– Угу, – отозвался он и переключил меня на миссис Пейтман.

Я изложила ей свою просьбу.

– Ох, дорогая моя, – сказала она не без доброжелательности, – сдается мне, это не слишком удачная идея.

Нынче мы с ней смеемся, вспоминая тот разговор; могла ли я подумать, что он положит начало нашей дружбе.

В ту пору я еще не знала, что кладбище беспрерывно получает запросы от кинематографистов, фотографов, писателей, художников, редакторов модных журналов, телепродюсеров и многих других, кто жаждет включить кладбище в свои творческие проекты. Обычно такие запросы удовлетворяются, хотя и за определенную плату. Кладбище существует за счет пожертвований и сборов; в 2009 году его содержание обходилось в тысячу фунтов стерлингов ежедневно. Джин дала согласие на встречу, чтобы выслушать мои доводы из первых уст. В

[1] Статья «Audrey Niffenegger on Highgate Cemetery» была опубликована в газете *The Guardian* 3 октября 2009 г., к выходу ее второго романа «Соразмерный образ мой», опубликованного 1 октября 2009 г.

июле 2003 года я полетела в Лондон, нервно гадая, удастся ли мне выдержать это испытание, и с нетерпением ожидая новой встречи с Хайгейтским кладбищем.

Джин иногда называет себя «драконом-привратником»; ее долг – «служить и защищать». Последнее, кстати, – девиз Чикагского полицейского управления. Во время следующих поездок в Лондон я опять встречалась с Джин, делала заметки, пыталась найти письменные источники по истории кладбища (их не слишком много) и неоднократно ходила на экскурсии. Джин прочла мою первую книгу. В конце концов она дала «добро» на мой проект, но поставила два условия: чтобы число бранных выражений было сведено к минимуму (в «Жене путешественника во времени» нецензурщины полно) и чтобы не было эпизодов секса на кладбище (никто и не собирался их туда вставлять). Я согласилась и всерьез приступила к подготовительным исследованиям.

Хайгейтское кладбище по сей день служит местом христианских захоронений, где пересекаются два начала: священное и историческое. Бóльшая часть моих знаний почерпнута у Джин и многих других членов Общества друзей Хайгейтского кладбища – волонтерской благотворительной организации, которая спасала некрополь от закрытия, вандалов и стихийных бедствий, а нынче организует экскурсии, распространяет билеты, проводит заседания собственного попечительского совета, борется с сорняками и собирает средства, позволяющие этому месту оставаться общедоступным и функционировать. На кладбище занят квалифицированный персонал, который отвечает за организацию похорон, копает могилы, ухаживает за ландшафтом, следит за сохранностью прекрасных старинных документов о захоронениях, а также способствует изготовлению и установке надгробных памятников. И Общество друзей, и персонал проявили доброту и терпимость по отношению к писательнице, затесавшейся в их ряды.

Мне разрешили бродить по аллеям и задавать массу вопросов, связанных даже не столько с романом, сколько с моим личным интересом ко всему, что касается старинных кладбищ. У меня состоялись долгие и увлекательные беседы о новом законе, который предписывает «углублять» старые могилы, чтобы создавать возможность новых захоронений, а также о дорогостоящей реставрации восточной стены кладбища (во избежание ее обрушения на прохожих).

В 2004-м, после того, как я примерно за год исходила всю территорию, было решено, что я приобрела объем знаний, необходимых экскурсоводу. (Причем не просто так: ведь один из моих персонажей, Роберт, водит экскурсии по этому кладбищу.) Работа хайгейтского гида – увлекательная и вместе с тем однообразная. Бóльшую часть своей взрослой жизни я преподавала в колледже, так что имею навык выступать перед аудиторией. Поначалу я боялась заблудиться с толпой тянущихся следом туристов, но потом, внимательнее изучив план местности, сообразила, что кладбищенские дорожки преимущественно идут по кругу: если запастись терпением, в конце концов вернешься ко входу.

Интересно наблюдать за людьми, которые прежде не видели этого места. Я сама впервые оказалась здесь в 1996 году. Все мои воспоминания о той экскурсии – сугубо зрительные: наверное, потому, что у меня была с собой фотокамера и я почти все время пыталась как можно больше запечатлеть на пленке. Теперь, в ходе своих экскурсий, я стараюсь дать посетителям контекст того, что они видят: причины, по которым здесь возникло кладбище, биографии тех, кто покоится в этих могилах, обзор погребальных обычаев викторианской эпохи и представление о кладбище как о городском природном заповеднике, где обитает множество редких бабочек и дерзких лис. Как правило, экскурсанты внимательны и отзывчивы; несколько раз они вдохновляли меня на тот или иной эпизод романа или своими вопросами подталкивали к дальнейшим исследованиям.

Кладбище таит в себе гораздо больше того, что может вместить моя экскурсия или книга. Над рядами колумбариев гудят новые ульи; в Хайгейте потомки Чарльза Диккенса владеют тремя могилами, притом что сам он похоронен в Вестминстерском аббатстве по ходатайству

королевы Виктории; недавно на кладбище снимали эпизод фильма «Портрет Дориана Грея». Посетители до сих пор могут увидеть взрыхленную землю на том месте, где находилась вырытая кинематографистами могила (конечно, имитация).

Как только я стала водить экскурсии, мой статус на кладбище изменился. Теперь у меня появилась цель, и меня приняли в Общество друзей. Мне открылся индивидуальный доступ (с рацией для безопасности) на западный участок некрополя. Это давало мне возможность смотреть внимательнее, подмечать детали, остающиеся за пределами экскурсий, и возвращаться в контору с новыми вопросами к коллегам-гидам. Вдобавок я смогла увидеть кладбище как рабочее место – обычное, повседневное. Чем ближе я знакомилась с кладбищем, тем больше открывала в нем удивительного.

Читатели нередко спрашивают нас, писателей, откуда мы черпаем идеи. Идеи возникают ниоткуда. Как только писателя посетила идея, ее необходимо сразу допросить с пристрастием, но останавливаться на этом нельзя. Вначале идея слабовата, а ответы вроде как пальцем в небо. Но по мере продолжения опроса и кристаллизации сюжета выстраивается история, в которой теперь сквозит определенная непреложность. Так было и с «Соразмерным образом», который обрел воображаемую форму, каким-то чудом ставшую отголоском Хайгейтского кладбища.

Поскольку я не англичанка и в Лондоне никогда не жила, еще в начале работы над этой книгой у меня созрело решение взять за образец творчество Генри Джеймса. Он писал об американцах за границей; его персонажами зачастую становятся молодые женщины, которые, пересекая Атлантику, оказываются не готовы к столкновению со старшими по возрасту и более изощренными европейцами. Я обнаружила, что и со мной произошло нечто подобное, когда продиралась сквозь британский английский (отличный от американского английского – это, кстати, оксюморон, который вызывает приступы веселья у моих друзей в Великобритании), местные нормы вежливости, лабиринты улиц и убийственное левостороннее движение. Пытаясь сориентироваться в Лондоне, я утешалась тем, что уже свободно чувствую себя на территории Хайгейтского кладбища и бывшей деревни Хайгейт. И эти места постепенно заселялись моими выдуманными персонажами, которых иногда тянуло в другие районы города. Они поощряли меня к совместным вылазкам, поскольку без моего участия и разведывательных данных сами не могли ничего. Так что Примроуз-Хилл, Почтальонский парк, ресторанчик в Сохо, метро и еще не одно место действия примкнули к некрополю. В истории Лондона есть выдающиеся события, которые на самом деле никогда не происходили, разве что в воображении миллионов читателей.

Впервые оказавшись на Хайгейтском кладбище с намерением сделать его местом действия романа, я, писательница из Чикаго, еще почти ничем о себе не заявила. Было бы самонадеянно с моей стороны воображать, будто мои фантазии как-то повлияют на этот старинный, величественный некрополь. Мой роман – не первый, действие которого разворачивается на Хайгейтском кладбище: Трейси Шевалье в 2001 году написала о нем свой роман «Падающие ангелы». Ее книга – исторический роман: действие начинается в 1901 году, когда кладбище именовалось Лондонским. Читатели «Падающих ангелов» действительно приезжают на кладбище и записываются на экскурсии; надеюсь, что некоторые из моих читателей тоже приедут, но не слишком многие. Здесь заняты примерно двадцать пять – тридцать гидов, все они волонтеры, и количество туристов в этом году, похоже, удачно соотносится с количеством экскурсий, которое эти гиды способны провести. Когда я спрашиваю их, не осложнится ли дело с увеличением числа туристов, они с улыбкой отвечают: «Мы справимся». Так что я держу пальцы крестиком и надеюсь, что мои выдумки не причинят неудобств реальному месту действия. Хайгейтское кладбище знавало времена и процветания, и запустения; переживет оно и фантазии.

Оказываясь в Лондоне, я до сих пор вожу экскурсии по кладбищу и до сих пор узнаю о нем что-нибудь новое. В моем романе один из персонажей пишет его историю. Я сама не возьмусь за такой труд, но надеюсь, что на это подвигнется кто-нибудь другой, а я охотно прочту.

Примерно через два года работы над книгой я поняла, что не могу представить себе такое место действия без Джин Пейтман. Обычно я придумываю своих героев с нуля, но рискнула спросить Джин, не против ли она стать прототипом одного из персонажей. К моей несказанной радости, она согласилась.

Роман «Соразмерный образ мой» я посвятила ей, потому что без нее получилась бы совсем другая книга, а возможно, не получилось бы вообще ничего.

Джин Пейтман, с любовью

She said, «I know what it's like to be dead.
I know what it is to be sad».
And she's making me feel like I've never been born[2].
The Beatles

[2] Она сказала: «Я знаю, каково это – быть мертвой.Я знаю, что такое печаль».И с ней я чувствую, будто никогда не рождался (англ.).

Часть первая

Конец

Элспет умерла в тот миг, когда Роберт остановился у автомата и стал смотреть, как в пластиковый стаканчик льется чайная струя. Потом он не раз вспоминал, как нес этот проклятый чай по пустому больничному коридору под лампами дневного света, возвращаясь в палату, где в окружении медицинских приборов лежала Элспет. Она успела повернуть голову, и Роберт с порога отметил, что у нее открыты глаза, – ему даже померещилось, будто она пришла в сознание.

В последние мгновения перед смертью Элспет вспомнила один весенний день, когда они с Робертом приехали в Кью-Гарденз и, обходя лужи, гуляли по берегу Темзы. Пахло прелыми листьями; только что прошел дождь. Роберт тогда сказал: «Надо было нам с тобой завести детишек», а Элспет ему ответила: «Не говори глупостей, милый». Теперь, в больничной палате, она повторила его слова, но Роберт пошел за чаем и не услышал.

Элспет повернула голову к дверям. Она хотела позвать: «Роберт», но что-то застряло в горле. Как будто душа пыталась выбраться через пищевод. Чтобы ей помочь, Элспет собралась откашляться, но изо рта вырывалось только слабое бульканье. «Сейчас утону. Прямо на больничной койке утону…» Ее придавило каким-то беспощадным грузом, но вскоре подхватило течением; муки отступили, и теперь она разглядывала из-под потолка свое щуплое, иссохшее тело.

Роберт застыл на пороге. Чай обжигал ему пальцы, и он опустил стакан на тумбочку. С приближением рассвета черные тени сделались мутно-серыми; а в остальном ничего не изменилось. Он притворил за собой дверь.

Снял круглые очки в тонкой оправе, сбросил туфли. А потом осторожно прилег на больничную койку и свернулся калачиком вплотную к Элспет, стараясь ее не потревожить. Недели три она металась в лихорадке, но сейчас температура снизилась почти до нормальной. В тех местах, где их тела соприкасались, он кожей ощущал легкое тепло. Уйдя в мир безжизненных сущностей, Элспет начала терять жар. Роберт уткнулся ей в затылок и глубоко вдохнул.

А Элспет наблюдала сверху. Как все знакомо – и в то же время многое теперь казалось ей странным. Она видела, но, конечно, не чувствовала, как его удлиненные пальцы сжимают ее талию, и вообще весь он был какой-то вытянутый, даже лицо – сплошной подбородок и длинная верхняя челюсть; нос – точно клюв, глазницы впалые, каштановые волосы разметались по ее подушке. За долгое время больничные лампы отбелили ему кожу до мертвенной бледности. Одинокий худой великан, обнимающий ее крошечное безвольное тельце. Элспет вспомнила давнишнюю фотографию из журнала «Нэшнл джиографик»: мать сжимает в объятиях младенца, умершего от голода. Роберт был в неглаженой белой сорочке; из дырявых носков торчали большие пальцы. Ее разом захлестнули все сожаления, раскаяния и желания. «Нет, – подумалось ей, – ни за что не умру». Но она уже отошла и через мгновение исчезла в неизвестности, канула в небытие.

Через полчаса их обнаружила медсестра. Она постояла без слов, глядя, как моложавый рослый мужчина прикрывает собой тщедушную покойницу средних лет. Медсестра пошла за санитарами.

Между тем Лондон пробуждался ото сна. Роберт лежал, смежив веки, и слушал шум транспорта на оживленной магистрали; в больничном коридоре застучали шаги. Он знал: вот-вот придется открыть глаза, отстраниться от тела Элспет, спустить ноги, встать, заговорить. В

скором времени его ожидало будущее без Элспет. Но пока он так и лежал с закрытыми глазами, втягивал в себя ее ускользающий запах и не спешил расставаться.

Последнее письмо

Письма приходили раз в две недели. Только не на домашний адрес. Каждый второй четверг Эдвина Ноблин Пул садилась в машину и ехала за шесть миль от своего дома в Лейк-Форесте, через два соседних городка, в Хайленд-Парк – на почту. Там у нее был абонентский ящик, причем самого скромного размера. Более одного конверта туда никогда не поступало.

Как правило, она забирала письмо и шла в кафе «Старбакс», где заказывала соевый кофейный напиток с молоком. Устраивалась с большой порцией в углу, прислонясь к стене. Если время поджимало, Эди забирала конверт в машину. Прочитав письмо, она выезжала со стоянки, располагавшейся позади лотка с хот-догами на Второй улице, останавливалась возле мусорных баков и сжигала письмо.

– Зачем ты возишь в бардачке зажигалку? – спросил как-то ее муж Джек.

– Надоело вязаньем заниматься. Хочу устроить поджог, – отшутилась Эди.

Муж не стал докапываться.

Джек был в курсе, что ей приходят письма: для слежки за женой он нанял частного детектива. Тот установил, что она ни с кем не встречается, не звонит по телефону, не проверяет электронную почту, – короче, ничего подозрительного, если не считать этих писем. Сыщик, правда, умолчал о том, что Эди, сжигая письма, всякий раз демонстративно пялилась в его сторону, а потом растирала пепел по асфальту подошвой туфельки. Однажды она вскинула руку в нацистском приветствии. Он все проклял, что взялся за это дело.

Было в Эдвине Пул нечто странное, отчего сыщику становилось не по себе; уж очень сильно отличалась она от прочих «объектов». Муж заверил, что не собирается подавать на развод, а потому не заинтересован в сборе компромата. «Просто хочу выяснить, чем она занимается, – объяснил он. – Что-то… здесь не так». Эди нисколько не смущалась постоянным присутствием детектива. И Джеку не сказала ни слова. На слежку она плевала, зная, что приставленный к ней грузный, лоснящийся от пота тюфяк не вышел умом, чтобы ее раскусить.

Последнее письмо пришло в начале декабря. Забрав его из ящика, Эди сразу поехала в Лейк-Форест, на пляж. Машину она поставила как можно дальше от дороги. День выдался неуютно-холодный и ветреный. На песке не было ни снежинки. Озеро Мичиган стало бурым, суетливые волны лизали каменистый берег. Скалы в свое время были слегка подправлены для предотвращения эрозии почвы, отчего пляж теперь напоминал театральную декорацию. На стоянке было пусто, если не считать принадлежавшей Эди «хонды-аккорд», которая стояла с включенным двигателем. Сыщик помаячил неподалеку, а потом, тяжело вздохнув, припарковался у противоположного края площадки.

Эди стрельнула глазами в его сторону. «А без зрителей никак нельзя? – Она посидела еще немного, глядя на озеро. – Могу, между прочим, сжечь, не читая». Она задумалась о том, как сложилась бы ее жизнь, останься она в Лондоне: можно ведь было отпустить Джека в Америку одного. Почему-то ее охватила неодолимая тоска по сестре-двойняшке; вытащив из сумки письмо, она поддела пальцем клапан конверта и развернула листок.

Дорогая моя Э.,

обещала поставить тебя в известность, что и делаю, – прощай.

Пытаюсь вообразить, каково бы мне было, случись такое с тобой, но представить мир без тебя просто невозможно, хотя наши пути давно разошлись.

Наследства я тебе не оставила. Доживи за меня мою жизнь. Вот и все. А я решилась на эксперимент: все свое имущество отписала близняшкам. Надеюсь, их это порадует.

Все образуется, не волнуйся.

Попрощайся за меня с Джеком.
С любовью, невзирая ни на что.
Э.

Эди сидела, понурив голову, и боялась расплакаться. Но слез не было, и она тихо порадовалась: еще не хватало распускать нюни перед соглядатаем. Она проверила почтовый штемпель. Письмо ушло четыре дня назад. Кто его отправил – непонятно. Видимо, кто-то из медперсонала.

Она вернула письмо в сумку. Предавать этот листок огню теперь не имело смысла. Ей хотелось на некоторое время его сохранить. А может, просто – сохранить. Она вырулила со стоянки. И, проезжая мимо сыщика, ткнула вверх средним пальцем.

До дому было совсем близко; Эди задумалась о своих дочках. В голове замелькали разные сценарии, один хуже другого. За время пути она твердо решила не допускать вступления девочек в права наследства.

Когда Джек вернулся с работы, Эди лежала без света в их общей спальне.

– Что стряслось? – спросил он.

– Элспет умерла, – сообщила она.

– А как ты узнала?

Она протянула ему письмо. Скользнув по нему глазами, Джек не испытал ничего, кроме облегчения. «Умерла так умерла, – подумалось ему. – От этой Элспет один геморрой». Он лег на свой край кровати, и Эди, подвинувшись, прильнула к нему. Тогда Джек выговорил: «Сочувствую, малышка моя» – и больше они не проронили ни слова. В последующие недели и месяцы Джек не раз себя упрекал: Эди наотрез отказывалась говорить о родной сестре, не отвечала на вопросы, не строила догадок относительно завещания, составленного в пользу их дочерей, не выдавала своих чувств и вообще пресекала эту тему. Со временем Джеку пришло в голову, что в тот самый вечер Эди вполне могла ему открыться – нужно было только вызвать ее на разговор. Если бы он поведал ей то, что ему известно, неужели она все равно замкнулась бы в себе? Впоследствии это стало между ними незримой преградой.

Но до поры до времени они лежали рядом в своей общей постели. Положив голову на грудь Джека, Эди слушала, как у него бьется сердце. «Все образуется, не волнуйся… Не знаю, хватит ли у меня сил. Я думала, мы еще увидимся. Почему я тебя не проведала? Почему ты запретила мне приезжать? Как мы до такого дошли?» Джек обнял ее обеими руками. «Разве оно того стоило?» Эди окаменела.

В прихожей послышались голоса близняшек. Эди высвободилась и вскочила с кровати. За все время она не проронила ни слезинки, но все равно сбегала в ванную, чтобы ополоснуть лицо.

– Молчок, – шепнула она Джеку, расчесывая волосы.

– Почему?

– Потому.

– Ладно.

Их глаза встретились в зеркале над туалетным столиком. Потом она вышла, и до него донесся ее обыденно-ровный вопрос:

– Что в колледже?

В ответ прозвучал голос Джулии:

– Ничего хорошего.

Валентина спросила:

– А что, обеда еще нет?

И Эди ответила:

– Сегодня пойдем в Саутгейт и закажем пиццу.

Джек сидел на кровати, усталый и придавленный какой-то тяжестью. Он, по обыкновению, туго соображал, что к чему, но, по крайней мере, твердо знал, что будет сегодня на обед.

Как цвет полевой

Элспет Ноблин скончалась, и больше для нее ничего нельзя было сделать, кроме как распорядиться ее прахом. Похоронная процессия медленно въехала в ворота Хайгейтского кладбища: впереди катафалк, а за ним с десяток автомобилей, принадлежавших ее собратьям-букинистам и просто знакомым. Путь лежал совсем недалеко – под гору от церкви Святого Михаила. Роберт Фэншоу дошел от «Вотреверса» пешком, вместе с Уэллсами: Марика и Мартин были его соседями сверху. На просторном кладбищенском дворе они остановились и стали смотреть, как маневрирует катафалк, чтобы вписаться в ворота и не съехать с узкой аллеи, ведущей к фамильному склепу.

Роберт обессилел и словно окаменел. Его слух не улавливал никаких шумов, как будто он смотрел кино без звука. Мартин с Марикой держались вместе, чуть поодаль от него. Поджарый, ладно сбитый, Мартин уже начал седеть; у него был короткий ежик густых волос и заостренный кончик носа. В его облике сквозило что-то нервозное и колючее, беспокойное и настороженное. В его жилах текла валлийская кровь, а кроме того, он терпеть не мог ходить на похороны. Над ним высилась его жена, Марика. На голове у нее красовались асимметричные пряди ядовито-малинового цвета, в тон которым была подобрана губная помада; Марика, широкая в кости, импульсивная, представляла собой колоритное зрелище. Ее изможденное лицо не вязалось с ультрамодным обликом. Она с тревогой наблюдала за мужем.

Тот стоял, закрыв глаза. И шевелил губами. Со стороны могло показаться, будто он молится, но Роберт и Марика знали: это Мартин всего-навсего считает про себя. С неба падали жирные снежинки, которые исчезали, едва коснувшись земли. Над Хайгейтским кладбищем нависали мокрые ветви деревьев, а на грунтовых дорожках под ногами чавкала слякоть. С могил то и дело взлетали вороны: они садились на нижние сучья или, покружив в воздухе, опускались на крышу диссентерской часовни, в которой теперь располагалась контора кладбища.

Марике нестерпимо хотелось курить. Она не очень-то жаловала Элспет, но теперь затосковала. Элспет наверняка отпустила бы какую-нибудь колкость, съязвила бы по поводу этих церемоний. Открыв рот, Марика вздохнула, и ее дыхание на миг заклубилось не хуже сигаретного дыма.

Катафалк проследовал по Черенковой аллее и скрылся из виду. Фамильный склеп Ноблинов находился прямо за углом от зоны отдыха, ближе к середине кладбища; тем, кто пришел проститься с Элспет, предстояло отшагать по узкой, бугристой от древесных корней Колоннадной аллее, где не мог пройти катафалк. Автомобили пришлось оставить у полукруглой Колоннады, отделявшей кладбищенский двор от захоронений; нехотя выбравшись из тепла, водители и пассажиры огляделись, рассмотрели часовню (построенную, как некогда сказал кто-то из знаменитых, в стиле «похоронной готики»), кованые ворота, памятник жертвам войны и статую Фортуны, воздевшую пустые глазницы к свинцовому небу. Марика задумалась, сколько же гробов прошло сквозь хайгейтские ворота. На первых порах сюда въезжали черные повозки, запряженные лошадьми в траурном плюмаже, а следом тащились наемные плакальщицы и бессловесные статисты; теперь на смену им пришли разномастные автомобили, цветные зонты и скорбящие близкие. Кладбище вдруг увиделось Марике старинным театром, где без конца играют одну и ту же пьесу, меняя лишь костюмы и прически.

Роберт тронул Мартина за плечо, и Мартин открыл глаза с таким видом, будто его, спящего, растолкали пинками. Они пересекли двор, миновали проход в центре Колоннады, поднялись по замшелым ступенькам и оказались на кладбище. За ними плелась Марика. Остальные шли следом. На крутых каменистых тропах было скользко. Все боялись оступиться. Никто не проронил ни слова.

Найджел, директор кладбища, стоял возле катафалка, еще более элегантный и внимательный, чем обычно. Он встретил Роберта грустной полуулыбкой, словно говоря: «К своим у нас отношение особое, верно?» Рядом с Найджелом стоял приятель Роберта, Себастьян Морроу. Себастьян был владельцем похоронного бюро; Роберт не раз видел его в деле, но теперь у Себастьяна будто открылись запасы сочувствия и внутреннего достоинства. Он, можно сказать, дирижировал церемонией без единого жеста и слова; в нужный момент его взгляд просто останавливался на ком-нибудь из присутствующих, указывал на необходимый предмет – и все, что положено, совершалось само собой. Себастьян был в костюме цвета маренго и хвойно-зеленом галстуке. Уроженец Лондона, он появился на свет в семье выходцев из Нигерии; темная кожа выделяла его среди присутствующих и в то же время делала почти незаметным в тенистых кладбищенских зарослях.

У катафалка собрались носильщики.

Все терпеливо ждали, а Роберт в одиночку зашагал по главной аллее к родовому склепу Ноблинов, сложенному из плит известняка. Над входом была высечена только фамилия. Позеленевшую от патины медную дверь украшал барельеф с изображением пеликана, кормящего детеныша собственной кровью, – символ Воскресения. Проводя экскурсии по кладбищу, Роберт нередко демонстрировал этот барельеф туристам. Сейчас дверь была распахнута. Невдалеке, у гранитного обелиска, стояли наготове могильщики, Томас и Мэтью. Поймав его взгляд, они кивнули и приблизились.

Роберт помедлил у входа в тесный склеп. Внутри находились четыре гроба – родителей Элспет, а также бабки с дедом, – да еще клочья пыли, скопившиеся в углах. На выступе, куда предстояло водрузить гроб Элспет, белели две опоры. Вот и все. Роберту почудилось, будто из склепа, как из ледника, на него дохнуло холодом. Ему даже мнилась некая сделка: кладбище заберет у него Элспет, а взамен… трудно сказать. Но что-то определенно даст взамен.

Вместе с Томасом и Мэтью он вернулся к месту стоянки катафалка. Согласно правилам наземного погребения, Элспет хоронили в свинцовом гробу, который оказался совершенно неподъемным. Роберт подставил плечо наравне с носильщиками; когда они примерялись, чтобы опустить гроб на опоры, возникла заминка. Такому количеству людей в склепе было не повернуться, а гроб почему-то вырос до непомерной величины. В конце концов управились. В тусклом дневном свете гроб поблескивал темной дубовой обшивкой. Носильщики гуськом вышли, а Роберт остался в одиночестве и, немного сутулясь, прижался ладонями к покрытой лаком древесине, словно это была кожа Элспет, под которой в истерзанном теле все еще билось сердце. В памяти всплыли ее бледные черты, голубые глаза, то широко распахнутые в шутливом изумлении, то сощуренные в знак недовольства; маленькие груди, запредельный жар во время обострений, торчащие над животом ребрышки в последние месяцы болезни, шрамы от катетеров и операций. На него нахлынуло желание, смешанное с отвращением. Когда-то у нее были дивные волосы; ему вспомнилось, как она плакала, когда они стали выпадать целыми прядями, а он гладил ее по голому, обтянутому кожей черепу. Ему привиделся изгиб ее бедер, а вслед за тем – отеки и пролежни, которые обезображивали это тело, клетку за клеткой. А ведь ей было всего сорок четыре.

– Роберт.

Это за ним пришла Джессика Бейтс. Она, как всегда, нацепила какую-то немыслимую шляпку, но ее обычно суровое лицо смягчилось сочувствием.

– Пора. – Она накрыла его руки своими мягкими старческими ладонями.

Руки у него сильно вспотели, и, оторвав их от гроба, он заметил на безупречно гладкой поверхности два четких отпечатка. Сперва он хотел их стереть, но потом решил оставить – как знак последнего прикосновения к этой оболочке тела Элспет. Он не возражал, когда Джессика вывела его на свет, и остановился рядом с нею и со всеми остальными, дожидаясь поминальной службы.

Дни человека как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его.

Мартин стоял едва ли не дальше всех. Он снова закрыл глаза. Голова его свесилась на грудь, а руки, засунутые в карманы пальто, сжались в кулаки. Марика боком прильнула к нему. Она взяла его под руку, но он, будто не заметив, начал раскачиваться взад-вперед. Марика выпрямилась и оставила его в покое.

Коль всемогущему Господу Богу нашему в неизреченной благости Его угодно было забрать к Себе душу почившей сестры нашей, то в сей час предаем мы тело ее месту отдохновения – земля к земле, прах к праху, тлен к тлену – в твердой и неколебимой надежде на воскрешение тела и вечную жизнь, через Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что будет сообразно оно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все.

Роберт позволил себе осмотреться. Кроны деревьев облетели – до Рождества оставалось меньше месяца, – но при всем том на кладбище было зелено. В Хайгейте разрослись кусты падуба, ведущие свой род из Викторианской эпохи – от тех веточек, без которых в прежние времена не обходились надгробные венки. Эти заросли придавали местности праздничный вид, если, конечно, кто мог щелкнуть особым переключателем у себя в голове, чтобы совместить праздник Рождества и кладбище. Пытаясь сосредоточиться на словах викария, Роберт отчетливо различал тявканье лисиц, бегавших неподалеку.

Джессика Бейтс по-прежнему стояла рядом с ним. Она безупречно держала спину и не опускала подбородок, но Роберт видел, как она устала. Джессика возглавляла Общество друзей Хайгейтского кладбища – благотворительную организацию, которая поддерживала в порядке территорию и устраивала экскурсии. Роберт тоже состоял в этом обществе, но надеялся, что Джессика и без того пришла бы проводить Элспет в последний путь. Они всегда относились друг к дружке с теплотой. Когда Элспет приносила Роберту перекусить, у нее неизменно находился сэндвич и для Джессики.

На Роберта накатило паническое беспокойство: «Как мне сохранить в памяти все, что связано с Элспет?» Сейчас он помнил ее запахи, интонации, милую паузу перед его именем в каждом телефонном разговоре, каждое движение в постели, пристрастие к высоченным каблукам-шпилькам, чувственное благоговение перед антикварными книгами и полное отсутствие сантиментов при назначении цены. В тот миг он действительно знал о ней все – и страстно желал остановить время, чтобы ни одна мелочь не исчезла без следа. Но было слишком поздно; другое дело – если бы они с нею остановились вместе, но теперь он, стремительно отдаляясь, многое терял из виду. Ее образ уже расплывался. Надо бы записать… только ни к чему это. Записями ее не вернуть.

Найджел затворил дверь склепа и повернул ключ в замочной скважине. Этот ключ, по сведениям Роберта, должен был вернуться в нумерованную ячейку конторского сейфа и висеть там до следующего раза. Наступила неловкая пауза: служба закончилась, и никто не знал, что делать дальше. Джессика тронула Роберта за плечо и кивком указала на викария. Со словами благодарности Роберт вручил ему приготовленный конверт.

Потом все вместе двинулись по аллее. Вскоре Роберт обнаружил, что снова оказался посреди кладбищенского двора. Снегопад сменился дождем. Вокруг дружной стайкой вспорхнули черные зонты. Вслед за тем люди начали садиться в машины и выезжать за ворота. Работники кладбища говорили положенные слова, чьи-то руки гладили его по плечу, кто-то предложил выпить чаю или чего-нибудь покрепче; он не знал, что отвечать, и его тактично оставили в покое. Букинисты, все как один, укатили в сторону Эйнджела. Роберт поймал на себе взгляд Джессики, маячившей в окне конторы. Теперь к нему направились Марика с Мартином, они все время держались особняком. Марика вела мужа под руку. Тот шел набычившись и, казалось, ненавидел брусчатку, по которой ступали его ноги. Роберта тронуло его появление на

кладбище. Марика теперь вела под руки их обоих, и они, выйдя из ворот, пошли в гору по Суэйнз-лейн. На вершине Хайгейтского холма они свернули налево и через несколько минут сделали еще один поворот. Марике пришлось отпустить Роберта, потому что Мартин за ними не поспевал. Перед ними была длинная и узкая асфальтированная дорожка. Роберт отворил калитку – и они уже были дома. В окнах трехквартирного дома под названием «Вотреверс» свет не горел, а день уже клонился к вечеру, и это жилище, на взгляд Марики, выглядело еще мрачнее обычного. В холле они как-то растерялись. Марика приобняла Роберта за плечи. Она не нашлась, что ему сказать. Все положенные фразы уже были сказаны, она помолчала, и Роберт развернулся, чтобы идти к себе.

Тут послышался хриплый голос Мартина:

– Сочувствую.

Это слово прозвучало неожиданно для них обоих. Роберт не без колебания кивнул. Потом решил подождать, не последует ли что-нибудь еще. Все трое неловко переминались с ноги на ногу, пока Роберт не кивнул вторично, прежде чем скрыться за дверью своей квартиры. Мартин решил, что высказался некстати. Марика подтолкнула его вверх по лестнице. На площадке второго этажа они замедлили шаг у квартиры Элспет. К ней была прикреплена скромная табличка с одной лишь фамилией: «НОБЛИН». Марика на ходу провела по ней пальцами. Точь-в-точь как надпись над входом в склеп. И ей подумалось, что от этого впечатления теперь будет не отделаться.

Роберт, сбросив туфли, рухнул на кровать в своей аскетической полутемной спальне – как был, в промокшем костюме шерстяного сукна. Глядя в потолок, он представлял себе квартиру Элспет, находившуюся этажом выше. Ее кухню с обилием теперь уже ненужных припасов; одежду, книги, стулья, в одночасье ставшие бесполезными; письменный стол, заваленный бумагами, которые ему предстояло разобрать. И вообще ему предстояла масса дел, но не сейчас.

Горечь утраты оказалась нестерпимой. Прежде ему не доводилось хоронить тех, кого он любил, – Элспет стала первой. Другие уходили, но не умирали. «Элспет?» Само имя ее опустело, будто бы отделилось от нее и закачалось на волнах памяти у него в голове. «Как мне без тебя прожить?» Вопрос лежал не в телесной плоскости: его тело продолжало существовать как прежде. Ключевое слово здесь было «как»: прожить-то можно, только без Элспет жизнь лишилась вкуса, настроя и ритма. Приходилось заново учиться одиночеству.

Часы показывали всего-навсего четыре. Солнце шло к закату, спальня погружалась в сумерки. Он закрыл глаза, надеясь поспать. Через некоторое время стало ясно, что поспать не удастся; тогда он встал, обулся, поднялся по лестнице и отпер дверь Элспет. Слоняясь по квартире, он нигде не включал свет. У нее в спальне он снова разулся, снял пиджак, а после некоторого раздумья и всю остальную одежду. И забрался в постель Элспет – с той стороны, где привык спать. Очки положил, как всегда, на прикроватный столик. Принял излюбленную позу – свернулся калачиком – и постепенно расслабился, согрев простыни своим теплом. Так он и заснул в ожидании прихода Элспет.

She's Leaving Home[3]

Марика Уэллс де Грааф стояла в дверях спальни, которую на протяжении последних двадцати трех лет делила с Мартином. Держа в руке три письма, она раздумывала, куда бы положить первое. Чемоданы уже были выставлены на лестничную площадку, а поверх них лежало аккуратно сложенное желтое пальто-тренч. Пристроить бы куда-нибудь это письмо – и можно уходить.

Мартин был в душе. Плескался уже минут двадцать; значит, не выйдет еще битый час, даже если закончится горячая вода. Марика не собиралась выяснять, чем он там занимается. Из ванной доносилась его негромкая, оживленная скороговорка – можно подумать, там бубнило радио. «Говорит радиостанция „Дурдом“, – мысленно объявила Марика. – В эфире наши сумасшедшие, бешеные хиты».

Конверт следовало положить так, чтобы он бросался в глаза, но не сразу. Чтобы Мартин мог без проблем дотянуться, взять его в руки и вскрыть. Приходилось учитывать и то, что выбранное место будет навеки отравлено этим письмом и оттого сделается для Мартина запретной зоной.

Сомнения терзали ее не одну неделю, а решения все не было. Она даже подумывала отправить этот конверт почтой, но не хотела давать Мартину лишний повод для волнений – он ведь будет ждать ее с работы. «Хоть бы оно повисло в воздухе», – подумала Марика. Тут она улыбнулась своим мыслям и пошла за шкатулкой для рукоделия.

В кабинете Мартина, стоя у компьютера, Марика пыталась унять дрожь в руках, чтобы под ярко-желтым лучом настольной лампы вдеть нитку в иголку. У них в квартире была непроглядная темень. Все окна Мартин заклеил газетами, и о наступлении утра сообщала лишь тонкая полоска дневного света за слоем клейкой ленты. Справившись наконец с ниткой, Марика сделала пару быстрых стежков по краю конверта и взгромоздилась на кабинетный стул Мартина, чтобы скотчем прилепить свободный конец нити к потолку. Несмотря на свой высокий рост, она вынуждена была потянуться вверх; голова закружилась, колени ослабли, стул дрогнул посреди темной комнаты. «Вот будет номер, если я сейчас грохнусь и сломаю шею». Она представила, как лежит на полу с расколотым черепом, а сверху на ниточке болтается это письмо. Но в следующий миг вновь обрела равновесие и слезла со стула. Письмо действительно висело в воздухе над столом. Идеально. Убрав швейные принадлежности, она задвинула стул на место.

– Там на столе письмо для Тео – брось в почтовый ящик по пути на работу, сможешь?

– Конечно…

– Вот спасибо.

Марика чуть-чуть приоткрыла дверь. Из ванной ее обдало паром. Она помедлила.

– Мартин…

– Н-н-н?

У нее помутилось в голове.

– *Tot ziens*, Мартин, – выдавила она.

– *Tot ziens*, любовь моя. – Мартин пребывал в бодром расположении духа. – До вечера.

У нее навернулись слезы. Как во сне, она поплелась через спальню; в коридоре протиснулась сквозь нагромождение коробок, затянутых пленкой, шмыгнула в кабинет, чтобы забрать письмо Мартина к Тео, выскочила в прихожую – и ступила за порог. На площадке она смешалась, положив ладонь на круглую дверную ручку. В голову пришло непрошеное: «Здесь мы стояли бок о бок, и моя ладонь точно так же лежала на дверной ручке. Только ладонь была молодая; и вообще мы тогда были молоды. Лил дождь. Мы накупили еды и возвраща-

[3] Она уходит из дома *(англ.)*.

лись из магазина». Закрыв глаза, Марика прислушалась. Квартира была большая, и голос Мартина сюда не долетал. Оставив дверь приоткрытой (все равно ее никогда не запирали), Марика надела пальто и проверила часы. Она подхватила чемоданы и стала неуклюже спускаться по лестнице; на втором этаже покосилась на дверь Элспет, но не замедлила шаг. А дойдя до первого этажа, бросила одно из своих писем в почтовую корзину Роберта.

Толкнув калитку, Марика даже не обернулась на «Вотреверс». Она зашагала по тротуару, волоча за собой чемоданы. Январское утро выдалось промозглым; ночью шел дождь. Весь район Хайгейт-Виллидж будто законсервировался: казалось, с той поры, как она в восемьдесят первом приехала сюда молоденькой замужней женщиной, не прошло и суток. Все та же красная телефонная будка торчала на Озерной площади, только озера не было и в помине; впрочем, и раньше, сколько она знала эти места, здесь были только утрамбованные дорожки да несколько скамеек, на которых дремали пенсионеры. Старик-букинист, как всегда, не спускал глаз с группы экскурсантов, которые изучали его малопонятные карты и ветхие книжки. Трусивший через площадь рыжеватый лабрадор ловко увернулся от горластого мальчугана, едва научившегося ходить. Небольшие ресторанчики, химчистки, агентства недвижимости, аптека – все пустовало, будто по округе прокатилась взрывная волна, пощадившая только молодых мам с колясками. Когда Марика опускала в почтовый ящик письмо Мартина, а следом – свое, с точно таким же адресом на конверте, ей вспомнились долгие часы, когда она гуляла здесь с Тео. «Не иначе как доставят в один день», – подумала она.

На стоянке поджидало заказанное такси. Водитель погрузил чемоданы в багажник и сел за руль.

– Хитроу? – уточнил он.

– Совершенно верно, четвертый терминал, – ответила Марика.

Их путь лежал вниз по Норт-Хилл и дальше по Грейт-Норт-роуд.

* * *

Через некоторое время, когда Марика заняла очередь к стойке авиакомпании KLM, Мартин выбрался из душа. У стороннего наблюдателя его вид мог бы вызвать нешуточные опасения: с головы до ног он сделался багрово-красным, словно его отварила в кипятке жена людоеда, чтобы удалить вредные примеси.

Мартин блаженствовал. Он наслаждался чистотой. Утренний душ был кульминацией целых суток. Горячие струи смывали все тревоги, подсказывали решение проблем, высвобождали интеллект. Кстати, дневной душ, перед чаепитием, такого удовлетворения не приносил, потому что в голову лезли ненужные мысли, да к тому же приходилось торопиться: в любую минуту могла нагрянуть Марика, работавшая на Би-би-си. А вечерний душ, уже перед сном, и вовсе был не в радость: накатывал мандраж от неизбежности ночи с Марикой, преследовал дурной запашок, не давал покоя вопрос: потребует она сегодня секса или потерпит до следующего раза (в последнее время от секса по большей части удавалось отвертеться); не говоря уже о кроссвордах, и сообщениях, отправленных – и не отправленных – по электронной почте, и заботах об уехавшем в Оксфорд Тео (который, к неудовольствию Мартина, все реже делился подробностями своего быта и романтических знакомств; Марика твердила: «Ему девятнадцать лет – скажи спасибо, что он хоть что-то рассказывает», но это было слабым утешением, и Мартина преследовали мысли о смертоносных вирусах, автокатастрофах и наркотических веществах; помимо всего прочего, Тео недавно приобрел мотоцикл: к целому вороху обязанностей, возложенных на Мартина, добавилось много, очень много действий ритуального характера, призванных оберегать здоровье и благополучие Тео).

Мартин принялся обтираться полотенцем. Он ревностно следил за состоянием своего тела, не упуская из виду ни мозолей, ни трещинок, ни комариных укусов, но при этом слабо

представлял, как выглядит со стороны. Даже Марика и Тео существовали в сознании Мартина как сгустки ощущений и слов. Лица он запоминал плохо.

Сегодня день начался удачно. Большое число ритуалов, связанных с мытьем и уходом за собой, Мартин подчинял идее симметрии: провел бритвой по левой щеке – проведи точно так же по правой. Несколько лет назад из-за этого случился неприятный казус, когда Мартину пришлось сбрить каждый волосок на своем теле. Бритье занимало не один утренний час, и Марика буквально рыдала. Со временем он смог себе внушить, что бритье можно компенсировать счетом. Поэтому нынче утром он подсчитал движения бритвы (тридцать), необходимые и достаточные для удаления щетины, а потом, аккуратно положив станок на бортик раковины, тридцать раз сосчитал до тридцати. На это ушло двадцать восемь минут. Считал Мартин обстоятельно, не торопясь. Поспешность до добра не доводит. Заторопишься – непременно собьешься, и начинай сначала. Все нужно делать с толком, иначе не будет чувства завершенности.

Завершенность – это когда дело сделано по всем правилам. Мартин получал (быстротечное) удовлетворение от любой соразмерности движений, задач, цифр, ополаскиваний, продуманных и бездумных действий. Но особо потакать своим желаниям тоже не следовало. Суть ведь не в том, чтобы доставить себе удовольствие, а в том, чтобы отвести неприятность.

Случалось, конечно, на чем-то зациклиться – вроде как булавочный укол, следом толчок, а потом сущие мучения: «Газ-то я выключил? Кто это подглядывает в окошко черного хода? Молоко, видно, скисло. Надо сто раз понюхать, прежде чем лить его в чай. А руки я мыл после туалета? Пойду-ка еще разок вымою, для верности. Газ-то я выключил? А штанины случайно не волочились по полу, когда я одевался? Нужно брюки снять и заново надеть, по всем правилам. Еще разок. Еще. Заново. Заново».

Чтобы побороть зацикленность и снять все вопросы, требовалось самопринуждение. «Проверь газ. Вымой руки. Да получше оттирай, а то мало ли что. Мыло возьми хозяйственное. Отбеливателя плесни. Пол грязный. Нужно отдраить. Грязные участки обходи, не наступай. Лишних шагов не делай. Полотенца расстели на полу, чтобы не разносить заразу. Полотенца выстирай. Еще разок. Еще. А в спальню так заходить негоже. Что значит „негоже“? Негоже, и все. Смотри, с какой ноги входишь. И поворачивай налево с обязательным разворотом корпуса, вот так, неплохо. Уже лучше. А Марика? Ей тоже никаких послаблений. Ее это не обрадует. Не важно. Да не будет она этого делать. Нет, будет. Куда она денется? И нечего спорить, это же форменное безобразие. Да что тут такого? Вот именно, что? Откуда я знаю. Даже думать не хочу. А ну-ка, быстро: двадцать два помножить на два: сорок четыре, шестьдесят шесть, восемьдесят восемь… одна тысяча сто двадцать два…»

Дни случались хорошие, плохие и очень плохие. Сегодня день обещал быть хорошим. Мартину вспомнилась студенческая пора, когда он, поступив в Бейлиол, по средам ходил играть в теннис; партнером его был один сокурсник, с которым они встречались на лекциях по математике и философии. Бывали такие дни, когда, еще не расчехлив ракетку, он уже знал, что каждый удар будет как бальзам на сердце. Вот и сегодня у него возникло такое же чувство.

Выйдя из ванной, Мартин обвел глазами спальню. Марика приготовила ему смену одежды. Туфли стояли на полу, точно под штанинами брюк. Все вещи, должным образом сложенные, были на отведенных местах. Ни одна не соприкасалась с другой. Он оглядел паркетный пол. Там, где стерся лак, образовались проплешины; кое-где паркет вспучился от влаги, но Мартина это не волновало. Он пытался определить, можно ли ступать на этот пол босыми ногами. Сегодня, решил Мартин, можно. Остановившись у кровати, он с неспешностью начал одеваться.

С каждым предметом одежды, в который облачалось его тело, Мартин обретал все большую уверенность от соприкосновения кожи с чистой, проверенной тканью. От голода у него подводило живот, но спешить не следовало. Наконец Мартин сунул ноги в туфли.

С обувью вечно была проблема. Коричневые полуботинки выступали посредниками между чистым телом и сомнительным паркетом. Даже неприятно было до них дотрагиваться. А куда денешься: хочешь не хочешь – надо завязывать шнурки. Марика не раз предлагала купить ему кроссовки на липучках, но он не мог на это согласиться по эстетическим соображениям.

Мартин носил только добротные, темные вещи; ему импонировал строгий стиль. Разумеется, дома он обходился без галстука, но выглядел так, будто только что решился его снять или, наоборот, собирался повязать перед выходом из дому. А поскольку он давно никуда не выходил, галстуки висели без пользы в платяном шкафу.

Одевшись, Мартин осторожно проследовал по коридору на кухню. Там для него был накрыт стол. В круглой чаше – хлопья для завтрака, рядом кувшинчик молока, два абрикоса. Он нажал на кнопку электрического чайника, который закипел в считаные минуты. За едой Мартину не приходилось делать над собой больших усилий (правда, для пережевывания определенных продуктов требовалось конкретное число движений челюстями). В кухне главенствовала Марика, а она приказывала ему все подозрения оставлять за порогом. К газовой плите он старался не подходить, потому что никогда не знал, в какую сторону включается и в какую выключается газ: бывало, он часами держался за ручку, вертя ее туда-сюда. Но воду удобно было кипятить в электрическом чайнике, и он этим пользовался.

Рядом с его прибором Марика положила газеты. Девственно-чистые и явно никем не читанные. На мгновение Мартин испытал прилив благодарности: свежие газеты он любил открывать первым, но она вечно перебегала ему дорожку. Развернув «Гардиан», он прежде всего нашел кроссворд.

Сегодня был четверг, а на этот день недели Мартин всегда ставил кроссворд с научной тематикой. В данном случае он выбрал астрономию. Мартин пробежал глазами сетку – хотел убедиться, что внешне все безупречно. Конфигурация кроссворда была предметом его особой гордости: клеточки располагались в виде довольно плотной и абсолютно симметричной спиральной галактики. Вслед за тем он просмотрел вчерашний кроссворд с решениями: это была строгая и добротная криптограмма – результат деятельности его коллеги, Альберта Бимиша. Бимиш скрывался под псевдонимом Лилибет; Мартин не мог понять такой странности. Бимиша он в глаза не видел, хотя от случая к случаю беседовал с ним по телефону. Мартину он представлялся волосатым здоровяком в балетной пачке. Для себя Мартин выбрал псевдоним Бэнбери.

В поисках интересных публикаций Мартин пролистал «Таймс», «Дейли телеграф», «Дейли мейл» и «Индепендент». Сейчас он составлял кроссворд на тему развития военного дела в Месопотамии. У него не было уверенности, что редакция примет это на ура, но, как человек творческий, он испытывал потребность облечь свои тревоги в художественную форму, а в последнее время Мартина тревожил Ирак. Сегодня информационные материалы пестрели сообщениями о том, как смертник с бомбой устроил кровавую баню в одной из мечетей. С глубоким вздохом Мартин взялся за ножницы и стал вырезать полезные статьи.

После завтрака он вымыл за собой посуду (более или менее традиционным способом) и сложил газеты в аккуратную стопку (хотя от них осталось только кружево). После этого он перешел в кабинет и потянулся к выключателю настольной лампы. Стоило ему выпрямиться, как что-то задело его по лицу.

Вначале Мартин подумал, что к нему в кабинет проникла летучая мышь. Потом он увидел конверт, свисающий с потолка на тонкой ниточке. Остановившись как вкопанный, Мартин разглядел его вблизи. Решительным почерком Марики на конверте было выведено его имя. «Что же ты наделала?» У него помутилось в мыслях, и он, склонив голову набок и щитом сложив руки на груди, стал следить глазами за качающимся белым прямоугольником. В конце концов он протянул руку, легонько дернул – и нитка отлепилась от потолка. Медленно вскрыв

конверт, он развернул письмо и ощупью нашел очки, которые водрузил на переносицу. «Что же ты наделала?»

6 января

Lieve Martin,

дорогой мой супруг, прости. Больше я так не могу. Когда ты прочтешь это письмо, я уже буду на пути в Амстердам. Я написала и Тео, чтобы поставить его в известность.

Не уверена, поймешь ли ты, но попытаюсь объяснить. Мне нужно пожить так, чтобы не оставаться вечной заложницей твоих страхов. Я устала, Мартин. Ты меня измучил. Уверена, буду по тебе скучать, но у меня появится хоть какая-то свобода. Сниму небольшую квартирку и распахну все окна, чтобы впустить солнце и воздух. Побелю стены, в комнатах расставлю цветы. Мне больше не придется входить в спальню с правой ноги и шарахаться от запаха хлорки на собственной коже и на всем, к чему я прикасаюсь. Мои вещи будут храниться в шкафах и комодах, а не в пластмассовых контейнерах, затянутых пленкой. Обивка мебели не будет протираться от непрерывной чистки. Возможно, заведу кота.

Ты болен, Мартин, но идти к врачу отказываешься. В Лондон я больше не вернусь. Захочешь повидаться – приезжай в Амстердам. Но для этого тебе придется выйти из квартиры, так что вряд ли мы с тобой увидимся.

Сколько могла, я терпела.

Всего тебе доброго, любовь моя.

Марика

Мартин не выпускал письмо из рук. Случилось самое страшное. Это не укладывалось в голове. Она ушла. И больше не вернется. Марика. Он медленно согнулся в поясе, в коленях и осел на пол у письменного стола, подставив спину ярко-желтому лучу настольной лампы и накрыв лицо письмом. «Любовь моя. О любовь моя…» Все мысли куда-то ушли, осталась только зияющая пустота, словно океан отхлынул в преддверии цунами. *Марика.*

* * *

Марика сидела в поезде, уносящем ее из аэропорта Скипхол, и смотрела на плоскую серую местность, которая скользила за окном. Из низких туч лил дождь. «Я почти дома». Она взглянула на часы. Надо думать, Мартин уже обнаружил письмо. Достав из сумки мобильник, Марика открыла крышку. Непринятых звонков не было. Она щелчком захлопнула крышку. Косые струи дождя сбегали по оконному стеклу. «Что я наделала? Прости меня, Мартин». Но она уже знала, что, оказавшись дома, не пожалеет ни о чем, а домом ей мог теперь стать только Амстердам.

Февраль

Роберт провел специализированную экскурсию по Западному некрополю Хайгейтского кладбища для группы антикваров из Гамбурга и теперь стоял у арки главного входа, ожидая, пока туристы накупят открыток и заберут вещи, – тогда можно будет их выпроводить и запереть ворота. Зимой, в будние дни, экскурсии проводились только по предварительным заявкам. Он любил тихую обыденность этого несуетного времени.

Антиквары вразвалку выходили из бывшей англиканской часовни, временно приспособленной под сувенирный магазин. Роберт тряс перед ними зеленой пластмассовой коробкой для сбора пожертвований, и экскурсанты бросали туда мелочь. Эта обязанность всегда его тяготила, но пожертвования не облагались налогом, а потому весь штат Хайгейтского кладбища неукоснительно занимался поборами. Роберт проводил немцев улыбкой и повернул старинный ключ в массивном замке ворот.

Войдя в контору, он поставил коробку с пожертвованиями на стол. Офис-менеджер Фелисити, высыпая содержимое, улыбнулась.

– Говорят, среда – пустой день, а вот поди ж ты, – сказала она, протягивая руку. – Рацию сдаешь?

Роберт похлопал себя по карманам макинтоша и ответил:

– Потом занесу.

– Ты уходить собрался? – уточнила Фелисити. – Дождик пошел.

– Скоро кончится.

– На входе сегодня Молли дежурит. Сможешь ей передать?

– Конечно передам.

Роберт принял у нее пачку буклетов и взял зонт – из тех, что хранились в корзине под лестницей. Ему нужно было только пересечь Суэйнз-лейн. Молли, сухонькая старушка в зеленом комбинезоне и теплой куртке с капюшоном, безропотно сидела на складном стуле внутри мавзолея Дональда Александра Смита, первого барона Страткона-и-Маунт-Ройял; сооружение из розового гранита высилось во всем своем великолепии у входа в Восточный некрополь кладбища. Выглянув из полумрака, Молли приняла у Роберта буклеты и разложила их на небольшой стойке возле своего места. На обложке буклетов был изображен Карл Маркс; в этом некрополе он и Джордж Элиот составляли звездную пару.

– Может, сходите погреться? – предложил Роберт.

У Молли был протяжный, скрипучий, сонный голос, в котором слышался легкий австралийский акцент.

– Да нет, у меня обогреватель включен. Ты уже посещение свое завершил?

– Нет еще, только что с экскурсией развязался.

– Ладно, ступай тогда.

Шагая обратно тем же путем, Роберт про себя отметил слова Молли: «посещение свое» – как будто это уже вошло в официальный распорядок кладбища. Очевидно, в том была доля истины. Ему пришло в голову, что персонал кладбища, можно сказать, потеснился, уступая место его скорби, будто она имела осязаемую форму. Люди посторонние отгораживались от чужого горя, а персоналу кладбища привычно было иметь дело с тем, кто понес личную утрату, и они говорили о смерти как о данности – Роберт только сейчас это оценил.

Морось перешла в ливень, когда Роберт приблизился к склепу Элспет. Благоговейно опустив зонт, он присел на ступеньку, спиной к медной двери. Запрокинул голову, прикрыл глаза. Менее часа назад он проходил здесь с экскурсией. Рассказывал туристам о крайних мерах, которые ввели викторианцы из страха быть похороненными заживо. К его огорчению, склеп Ноблинов стоял на одной из главных аллей, так что каждая экскурсия проходила мимо Элспет,

и Роберт внутренне содрогался, когда вел праздных зевак мимо небольшого сооружения с ее фамилией. Когда здесь покоились только члены ее семейства, у него не возникало угрызений совести – с родней Элспет он никогда не был знаком. Сейчас Роберт впервые отчетливо понял, почему Джессика не терпела ни малейшего нарушения приличий на кладбище. Раньше он подкалывал ее за такие строгости. В глазах Джессики, самым главным на Хайгейтском кладбище были не экскурсии, не памятники, не потусторонние силы и не жутковатый дух Викторианской эпохи; на первом месте для нее были усопшие, а также предъявители свидетельств о захоронении. У Роберта ни шатко ни валко двигалась работа над диссертацией по истории Хайгейтского кладбища и специфике похоронных обрядов Викторианской эпохи. Джессика, большая мастерица загружать людей делами, считала, что из всего нужно извлекать пользу, и как-то раз сказала ему: «Если ты все равно здесь собираешь материал, почему бы тебе не потрудиться на общее благо?» Так он начал водить экскурсии. Само кладбище, как он понял, было ему куда интереснее, чем все научные публикации.

Роберт погрузился в себя. Низкая каменная ступенька, на которой он сидел, была холодной и сырой. Его колени торчали едва ли не до уровня плеч.

– Здравствуй, любимая, – произнес он и, как всегда, поймал себя на том, что обращаться к склепу вслух по меньшей мере странно.

Дальше он заговорил про себя: «Здравствуй, это я. Ты где?» Ему представлялось, что Элспет сидит в склепе, как отшельница в келье, и с легкой улыбкой смотрит на него сквозь зарешеченное дверное окошко. «Элспет?» – мысленно позвал он.

У нее всегда был беспокойный сон. При жизни она каждую ночь металась и ворочалась, нередко перетягивая на себя все одеяла. Если Элспет засыпала без него, она всегда лежала по диагонали, раскинув руки-ноги, как будто хотела таким способом застолбить территорию – за неимением колышков. Она нередко будила Роберта ощутимым толчком или пинком, а то и молотила по нему ступнями – видно, бежала куда-то во сне. «Ты мне когда-нибудь нос сломаешь», – говорил он ей. Элспет понимала, что спать с ней в одной постели небезопасно. «Заранее извиняюсь за нанесение телесных повреждений, – отвечала она, целуя его в нос. – Тебе, между прочим, это будет к лицу. Добавит хулиганского шика».

Сейчас ответом ему была полная тишина. Дверь не составляла серьезной преграды: помимо ключа, хранившегося в конторе, у Элспет в ящике стола лежал дубликат. Ее тело покоилось в гробу на расстоянии двух шагов. Роберт гнал от себя мысли о том, что три месяца, скорее всего, не прошли бесследно.

Его в который раз поразила необратимость утраты, обобщенная и предъявленная ему в виде полной тишины, царившей в тесном помещении у него за спиной. «Есть кое-какие новости. Ты меня слушаешь?» Пока она была жива, он даже не осознавал, что события обретали для него реальные очертания лишь после того, как он рассказывал о них Элспет.

«Вчера Рош отправил письмо Валентине и Джулии». Перед мысленным взором Роберта это письмо проделало весь путь от конторы Роша в Хэмпстеде до городка Лейк-Форест в штате Иллинойс: там его доставили в дом номер девяносто девять по Пембридж-роуд, а вытащила его из ящика одна из близняшек. На пухлом конверте кремового цвета с лаково-черным тиснением «Адвокатское бюро „Рош, Элдеридж, Поттс и Лефли“» адрес сестер-близнецов был написан от руки кружевным почерком секретарши Констанс, служившей у Роша с незапамятных времен. Роберт представил, как одна из девочек с любопытством крутит в руках этот конверт. «Что-то меня гложет, Элспет. Мне было бы спокойнее, если бы ты хоть одним глазком посмотрела на этих девчонок. Тебе с ними не жить под одной крышей, но вдруг это какие-нибудь аферистки? Или, чего доброго, продадут квартиру каким-нибудь аферистам?» Впрочем, мысль о двойняшках как-то завораживала его воображение, а эксперимент, который задумала Элспет, вызывал необъяснимое доверие.

– Могу все имущество завещать тебе, – говорила в свое время Элспет. – А могу – девочкам.

– Пусть достанется девочкам, – отвечал он. – У меня всего предостаточно.

– Хм. Ладно, будь по-твоему. А что же я оставлю тебе?

Он сидел рядом с ней на ее больничной койке. После операции по удалению селезенки у нее резко подскочила температура. Ужин Элспет так и остался стоять нетронутым на передвижном столике. Роберт растирал ей ступни разогретым пахучим бальзамом.

– Ну, не знаю. Ты можешь заказать свою реинкарнацию?

– Говорят, двойняшки – мои копии, – улыбнулась Элспет. – Если получится, заманю их в свою квартиру. Давай я оставлю тебе двойняшек, согласен?

Теперь улыбнулся Роберт.

– Это может привести к непредсказуемым последствиям. Будет, знаешь ли… тяжеловато.

– Брось, пожалуйста. Нет, я серьезно хочу тебе что-нибудь оставить.

– Прядь волос?

– Ох, разве это волосы? – вздохнула она, теребя редкий серебристый пушок. – Надо было раньше думать, когда на голове действительно что-то росло.

Прежде у Элспет были локоны до плеч, цвета топленого масла.

Роберт покачал головой:

– Не важно. Я просто хочу сохранить частицу тебя.

– Как викторианцы? Жаль, длинной прядки не будет. А то мог бы заказать волосяные серьги, брошку – что-нибудь в этом духе. – Она рассмеялась. – Можешь, кстати, меня клонировать.

Он сделал вид, что рассматривает такую возможность.

– Нет, клонирование еще только делает первые шаги. Представь, сотворят из тебя безобразную толстуху, вместо рук и ног – ласты. К тому же мне придется ждать, пока ты подрастешь, а тогда я уже стану пенсионером – ты в мою сторону и смотреть не захочешь.

– Уж лучше пускай будут двойняшки. Они – наполовину я, наполовину Джек. А на фотографиях от него вообще ничего нет, я сама видела.

– Откуда, интересно знать, у тебя их фотографии?

Элспет зажала рот ладонью.

– От Эди. Только никому ни слова.

Роберт не понял.

– С каких это пор вы с ней общаетесь? Мне казалось, ты ее ненавидишь.

– Я ненавижу Эди? – возмутилась Элспет. – Ничего подобного. Да, я на нее сильно рассердилась и до сих пор злюсь. Но ненависти к ней никогда не испытывала – это же все равно что ненавидеть саму себя. Просто она… она сделала одну глупость, которая испортила жизнь нам обеим. Но все равно – мы с ней близнецы. – Элспет запнулась. – Я написала ей примерно год назад – когда мне впервые поставили диагноз. Подумала, что надо сообщить.

– Ты мне ничего не рассказывала.

– Да, верно. Это сугубо личное.

Роберт убедил себя, что обижаться смешно. И смолчал.

– Ну что ты, в самом деле? – спросила она. – Если бы вдруг объявился твой отец, ты бы мне рассказал?

– Представь себе, да.

Элспет взяла в рот кончик большого пальца. Этот жест всегда казался Роберту очень сексуальным, просто неотразимым, но теперь он был не к месту. Она проговорила:

– Да, ты бы, конечно, рассказал.

– Что ты имеешь в виду: «Они – наполовину я»? Они же дочери Эди.

– Ну да. Конечно, это ее дочери. Но мы с ней – однояйцовые близнецы, так что генетически ее дети – все равно что мои.

– Ты их в глаза не видела.

– Ну и что? Я одно скажу: у тебя никогда не было близнеца и ты не можешь понять, что это значит.

Роберт помрачнел еще сильнее.

– Перестань. Ну, не дуйся.

Она хотела подвинуться к нему поближе, но капельницы не пускали. Роберт с осторожностью опустил ее ступни на полотенце, вытер руки, встал и пересел на полукружье белой простыни возле ее талии. Элспет почти не занимала места на койке. Опершись одной рукой на подушку, он склонился над ее лицом. Элспет погладила его по щеке. Прикосновение ее ладони сдирало ему кожу, как наждачной бумагой, – его пронзила почти физическая боль. Повернув голову, он поцеловал ее ладонь. Они проделывали такое не раз.

– Если хочешь, оставлю тебе дневники, – прошептала Элспет. – Из них ты узнаешь все мои тайны.

Впоследствии ему стало ясно, что весь этот разговор был затеян неспроста. Но в то время он только и сказал:

– Ну-ка, признавайся. Неужели в них есть что-то страшное?

– Не то слово. Но это дело прошлое. После встречи с тобой я жила чистой и беспорочной жизнью.

– Беспорочной?

– Ну, моногамной, скажем так.

– Ладно, хватит. – Он коснулся губами ее лба; температура ползла вверх. – Тебе надо поспать.

– А ножки мне помассировать? – Она заговорила как ребенок, требующий любимую сказку.

Он опять переместился в изножье кровати, выдавил из тюбика немного бальзама и согрел его в ладонях.

Элспет со вздохом закрыла глаза.

– Мм, – протянула она через некоторое время и выгнула подъем. – Черт возьми, до чего приятно.

Вскоре Элспет задремала, а он еще долго сидел в раздумьях, не выпуская из рук ее скользкие ступни.

Тут Роберт открыл глаза. Спохватился, не уснул ли, часом, уж очень яркими были те воспоминания. «Где ты, Элспет? Наверное, ты осталась только у меня в голове». Роберт обвел взглядом ближайшие надгробья, которые опасно накренились. У одной могилы по обеим сторонам выросли деревья; они приподняли каменную плиту на дюйм-полтора над основанием, и теперь она буквально висела в воздухе. На глазах у Роберта из-под завесы плюща, обвившего удаленные от главной аллеи памятники, выскочила лисица. Она заметила его, на мгновение замерла, а потом исчезла в низких зарослях. До Роберта доносилась лисья перекличка – то поблизости, то на расстоянии, в кладбищенских дебрях. У лис наступил брачный сезон. День уходил. Роберт вымок до костей и продрог. Он стряхнул оцепенение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.